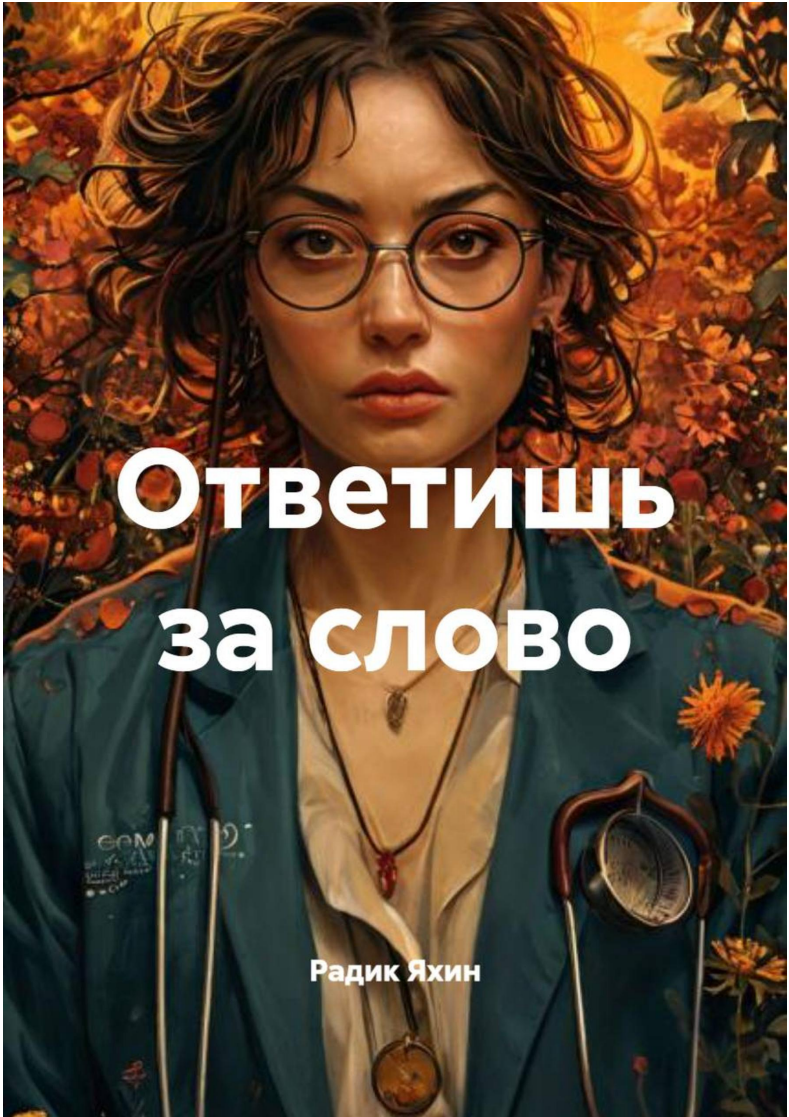
Ответишь
за слово
Радик Яхин

Радик Сайфетдинович Яхин

Ответишь за слово

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73383373
SelfPub; 2026

Аннотация

«Ответишь за слово» – психологический роман о пути от токсичных отношений к обретению себя. История Глории, талантливого врача, разворачивается как напряжённая драма: яркая влюблённость в обаятельного Райли постепенно превращается в ловушку абьюза.

Сначала – цветы на пороге, романтические уикенды и клятвы в вечной любви. Затем – контроль, манипуляции, угрозы и потеря себя. Глория проходит через изоляцию от близких, давление, физическое и эмоциональное насилие, пока не находит силы уйти – и начать долгий путь исцеления.

Роман показывает, как распознать токсичные отношения на ранних этапах, как вырваться из них и как заново научиться доверять – себе и другим. Это история о травме и исцелении, о страхе и свободе, о том, как взять ответственность за свою жизнь и перестать «отвечать за чужие слова».

Радик Яхин
Ответишь за слово

Глория зашла в лавку, чтобы купить букет для коллеги, которая защитила диссертацию. Она терпеть не могла эти дурацкие корпоративные ритуалы, но традиция есть традиция – без цветов являться на работу в понедельник значило прослыть чёрствой сухаркой. Она уже протянула руку к скромным хризантемам, когда услышала голос:

– Для такой женщины – только розы. Красные. Двадцать одна штука.

Она обернулась. Парень за прилавком улыбался так, будто знал её сто лет. Светлые волосы падали на лоб, глаза были почти прозрачными – серо-голубыми, как вода в горном озере. На фартуке остались следы земли и зелени, но это почему-то не выглядело неряшливо, скорее – по-домашнему.

– Простите? – Глория подняла бровь. – Мы знакомы?

– Пока нет. – Он вышел из-за прилавка, вытирая руки о фартук. – Но я уже знаю, что вы не любите хризантемы. Они пахнут кладбищем. Я прав?

Она хотела возразить, но вдруг поняла, что он прав. Она действительно всегда избегала этих цветов, просто не признавалась себе в этом.

– Откуда…

– Вы поморщились, когда на них посмотрели. Совсем

чуть-чуть, вот здесь. – Он коснулся пальцами собственной переносицы. – А розы – это страсть. Или защита. Смотря кому дарить.

Глория рассмеялась. Смех вышел каким-то чужим – она давно так не смеялась.

– Вы всегда анализируете покупателей?

– Только красивых. – Он сказал это просто, без намёка на флирт, как констатировал факт: трава зелёная, небо синее, вы красивая. – Меня Райли зовут. Можно просто Рай.

– Глория.

– Глория… – Он повторил её имя, будто пробуя на вкус. – Это же «слава»? По-латыни?

– Моя мама изучала древние языки. – Она почувствовала, что краснеет. Глупо, ей тридцать два года, она врач, кандидат наук, а краснеет как школьница.

– Ей повезло с именем для дочери. – Он уже собирал букет, двигаясь быстро и точно. – А мне с именем не повезло. Райли – это «мужественный». А я цветы продаю. Ирония?

– Ничего ироничного. Моя бабушка говорила: настоящий мужчина тот, кто умеет растить красивое.

Он поднял на неё глаза, и в них мелькнуло что-то тёплое.

– Ваша бабушка мудрая женщина.

– Она умерла пять лет назад.

– Значит, она смотрит на вас и радуется. – Он протянул букет. – Держите. Двадцать одна роза – для самого важного выбора в жизни.

– Откуда вы знаете, что у меня выбор?

– У всех выбор, Глория. Просто не все это понимают.

Она заплатила и вышла на улицу, сжимая в руках тяжёлый букет. Красные розы пахли так сильно, что кружилась голова. Или кружилась не от роз. Она обернулась. Райли стоял в дверях лавки, опершись плечом о косяк, и смотрел ей вслед. Когда их взгляды встретились, он улыбнулся и помахал рукой.

Глория отвернулась и почти побежала к машине.

Через два дня она забыла о цветочном мальчике. Вернее, старалась забыть. В конце концов, мало ли вокруг симпатичных парней? Она работала в городской клинике, принимала по двадцать пациентов в день, писала статью для медицинского журнала и пыталась не думать о том, что в тридцать два года у неё нет ни мужа, ни детей, ни даже кота.

В среду она выскочила из клиники в перерыв, чтобы купить кофе. Очередь в кофейне была привычно длинной, и она уже приготовилась ждать, когда кто-то коснулся её плеча.

– Глория? Какая встреча!

Он стоял перед ней в тёмно-синей куртке, с бумажным стаканчиком в руке. Без фартука и без земли под ногтями он выглядел иначе – старше, что ли. Или просто серьёзнее.

– Райли? – Она моргнула, проверяя, не кажется ли ей. – Вы тут работаете?

– Нет, просто зашёл за кофе. – Он улыбнулся той же открытой улыбкой. – А вы?

– Тоже. – Она показала на очередь. – Если когда-нибудь дождусь.

– Берите мой. – Он протянул стаканчик. – Я только отпил глоток. Честно. Или могу заказать вам новый.

– Нет, что вы… – Она отступила на шаг.

– Глория, это просто кофе. – Он говорил мягко, без нажима. – Я не маньяк, честное слово. Просто увидел вас и обрадовался. Вы мне запомнились.

– Запомнилась?

– Очень. – Он посмотрел на неё так, что у неё перехватило дыхание. – Знаете, бывает, встретишь человека и понимаешь: этот не сотрётся из памяти. Ни через год, ни через десять лет.

– Вы так говорите, будто мы знакомы вечность.

– А разве нет? – Он улыбнулся. – Ладно, я пойду. А вы стойте в очереди и пейте кислый кофе. Или возьмите мой и выиграйте полчаса жизни.

Она взяла стаканчик. Сама не поняла, как это произошло. Просто пальцы сомкнулись на тёплом картоне.

– Спасибо.

– Не за что. – Он развернулся, но на полпути к двери остановился и обернулся. – Глория! А вы верите в судьбу?

– В смысле?

– В то, что встречи не случайны? Что если мы видим ко-

го-то дважды за три дня – это знак?

– Я врач. – Она пожала плечами. – Я верю в статистику.

– А я верю в знаки. – Он улыбнулся и вышел.

Глория смотрела, как он идёт по улице, ловко лавируя между прохожими. Солнце светило ему в спину, и казалось, что он растворяется в этом свете. Она отпила кофе. Американский, без сахара, с каплей сливок. Именно так она любила.

Откуда он знал?

Он позвонил через три дня. Глория даже не удивилась, когда увидела незнакомый номер на экране – она почему-то ждала этого звонка.

– Глория? Это Райли. Из цветочного. – Голос в трубке звучал взволнованно. – Я понимаю, что это наглость, но… Вы не хотите поужинать со мной сегодня?

Она хотела отказаться. У неё была гора отчётов, несделанная статья и плановая уборка. Вместо этого она услышала собственный голос:

– Хочу.

Он назвал адрес – маленький ресторанчик в старом городе, о котором Глория никогда не слышала. «Уютное место с живой музыкой. Вам понравится», – сказал он и отключился, не дав ей возможности передумать.

Она потратила час на сборы, хотя обычно собиралась за пятнадцать минут. Перемерила три платья, дважды перекра-

сила губы и в итоге опоздала на десять минут.

Он ждал у входа с маленькой орхидеей в горшке.

– Это вам. – Он протянул цветок. – Живой. Чтобы цвёл и напоминал, что есть красивые вещи.

– Райли, вы невозможны. – Она взяла орхидею и почувствовала, как глупая улыбка расползается по лицу.

– Знаю. – Он открыл дверь, пропуская её вперёд. – Но вы же пришли.

Внутри действительно оказалось уютно. Красный кирпич на стенах, свечи в тяжёлых подсвечниках, пианино в углу, за которым сидел пожилой мужчина и играл что-то джазовое. Райли выбрал столик в нише, полускрытый от чужих глаз.

– Вы здесь часто бываете? – спросила Глория, оглядываясь.

– Нет. – Он разлил вино по бокалам. – Но когда искал место для первого свидания, понял: здесь правильно.

– Почему?

– Потому что здесь никто не слышит чужих разговоров. Можно говорить о чём угодно. Даже о страшном.

Она подняла на него глаза. В свете свечей его лицо казалось мягче, моложе. Или это вино так действовало?

– О страшном? – переспросила она. – А у вас есть страшное?

– У всех есть, Глория. – Он отпил вино. – Просто не все готовы рассказывать. А я сегодня готов. Если вы хотите слушать.

– Хочу.

И он рассказал. О детстве без отца, о матери-одиночке, которая работала на трёх работах, чтобы вырастить сына. О том, как в десять лет мать привела в дом отчима, который пил и поднимал руку. О том, как в пятнадцать он сбежал из дома и два года жил на улице, пока не попал в приют. О том, как выучился на флориста, потому что цветы – это единственное красивое, что было в его жизни.

Глория слушала и чувствовала, как внутри поднимается тёплая волна. Она всегда хотела кого-то спасать. Для того и пошла в медицину. Но пациенты – это работа, дистанция, профессиональная вежливость. А здесь сидел живой человек с болью в глазах, и он доверял ей эту боль.

– Зачем вы мне это рассказываете? – спросила она тихо.

– Потому что вы – первая, кто спросил. – Он взял её руку в свою. – Все видят цветочного мальчика с глупой улыбкой. А вы увидели человека. Спасибо.

Она не отняла руки.

Утром в субботу Глория проснулась от звонка в дверь. Спросонья она решила, что это курьер с лекарствами – она заказывала новые противоастматические препараты для клиники. Накинула халат, сунула ноги в тапки и поплелась открывать.

На пороге никого не было.

Только огромный букет бело-розовых орхидей стоял у

двери, перевязанный атласной лентой. К букету была приколота записка. Глория развернула дрожащими пальцами: «Ты – как свет в тумане. Р.»

Она внесла цветы в квартиру и долго стояла над ними, не зная, что делать. Орхидеи пахли едва уловимо – нежно, сладко, немного тревожно. Она достала телефон, нашла вчерашний номер.

– Это безумие, – сказала она, когда он ответил. – Такие цветы стоят целое состояние.

– Ты стоишь больше. – Его голос звучал хрипловато, будто он только проснулся. – Тебе нравится?

– Они… Они невероятные. Райли, но зачем?

– Затем, что я вчера не спал. Думал о тебе. О том, как ты слушала. Как смотрела. – Пауза. – Я давно не чувствовал себя таким… живым.

– Я тоже, – призналась она тихо.

– Тогда встретимся сегодня? – В его голосе появилась улыбка. – Я покажу тебе место, где цветы растут на стенах.

Она согласилась. А когда положила трубку, поймала себя на том, что улыбается в пустоту. Орхидеи на столе казались живым доказательством того, что это не сон. Что кто-то действительно думал о ней, выбирал, тратил деньги, писал записку.

Последние два года Глория встречалась только с работой. Пациенты, отчёты, конференции, снова пациенты. Иногда она ловила себя на мысли, что разучилась чувствовать. Что

внутри образовалась пустота, которую ничем не заполнить.

А теперь пустота заполнялась цветами.

В воскресенье Глория встретилась с Лизой. Подруги они были с института, и хотя жизнь развела их по разным сферам – Лиза работала в рекламе, а Глория лечила людей – они старались видеться раз в неделю. Обычно пили кофе и обсуждали всё подряд.

– Ты светишься, – заметила Лиза, едва они сели за столик. – Влюбилась, что ли?

Глория покраснела. Это было глупо и по-детски, но она покраснела.

– Есть один… цветочный мальчик.

– Цветочный мальчик? – Лиза отложила ложку. – Рассказывай.

И Глория рассказала. О встрече в лавке, о кофе, об ужине, об орхидеях. Чем больше она говорила, тем шире становилась улыбка Лизы.

– Глория, это сказка, – сказала подруга, когда она закончила. – Прямо как в кино. Красивый, внимательный, с тяжёлым прошлым и цветами по утрам.

– Правда? – Глория почувствовала облегчение. – А мне казалось, что это слишком…

– Слишком что?

– Слишком быстро. Слишком идеально.

Лиза на секунду задумалась. Потом отпила кофе и по-

смотрела на подругу внимательно.

– Знаешь, что я тебе скажу? Я рада за тебя. Правда. Ты заслужила счастье. – Пауза. – Но ты спросила моё мнение, и я скажу. Он слишком идеален. Слишком быстро вошёл в доверие. Слишком много открылся в первый же вечер. Будь осторожна.

– Лиза!

– Я не говорю, что он плохой. Я просто говорю: притормози. Дай себе время понять, кто он на самом деле.

– Ты всегда видишь плохое.

– Нет, я всегда вижу риски. Это моя работа. – Лиза улыбнулась, смягчая слова. – Просто обещай мне, что не исчезнешь. Что будешь рассказывать. Хорошо?

– Хорошо, мамочка. – Глория закатила глаза, но внутри занозой засело: слишком идеален. Слишком быстро.

Вечером она перечитывала записку от Райли. «Ты – как свет в тумане». Слишком красиво для обычного цветочного мальчика? Или она просто отвыкла от красоты?

Она убрала записку в ящик стола и решила не думать о плохом. Лиза всегда была перестраховщицей. Райли просто хороший человек, который нашёл в ней родственную душу. Разве такое невозможно?

Разве она не заслужила немного счастья?

Райли позвонил в четверг и сказал, что арендовал коттедж у озера. «На выходные. Только ты и я. Природа, звёзды, ни-

каких пациентов и цветочных горшков». Глория колебалась ровно три секунды. Потом подумала о горе отчётов, о бесконечных анализах, о серых стенах клиники – и согласилась.

Они выехали в пятницу вечером. Райли вёл машину аккуратно, без лихачества, одной рукой держа руль, второй – сжимая её ладонь. За окном мелькали огни города, потом потянулись тёмные поля, потом лес. Глория смотрела на его профиль, освещённый приборами, и думала: как ей повезло.

Коттедж оказался маленьким деревянным домом прямо у воды. Внутри пахло деревом и сухими травами, на столе ждала бутылка вина и фрукты, а в камине уже горел огонь.

– Ты всё подготовил? – удивилась она.

– Я старался. – Он обнял её сзади, уткнувшись носом в макушку. – Чтобы ты почувствовала себя дома.

– Но это не мой дом.

– Может, когда-нибудь станет.

Она повернулась и посмотрела на него. В свете камина его глаза казались тёмными, почти чёрными.

– Ты слишком быстро, – прошептала она.

– Жизнь коротка, Глория. Я не хочу терять время. – Он поцеловал её – легко, почти невесомо. – Ты не представляешь, как долго я тебя искал.

Ночь они провели у камина, разговаривая обо всём и ни о чём. Райли рассказывал о цветах, о том, как понимает их язык, как чувствует настроение каждого растения. Глория слушала и удивлялась: рядом с ним время текло иначе. Не

было ни спешки, ни тревоги, только тёплое, тягучее спокойствие.

Утром он разбудил её завтраком в постель. Яичница подгорела, кофе оказался слишком крепким, но Глория не помнила, когда последний раз чувствовала себя такой счастливой.

– Пойдём гулять, – сказал он, когда она доела. – Я покажу тебе озеро.

Они бродили по берегу, собирали камешки, кормили уток. Райли нашёл полянку с земляникой и кормил её ягодами с ладони. А вечером, когда солнце садилось за деревья и вода становилась розовой, он встал на колени прямо на мокрый песок.

– Глория.

– Что ты делаешь? Вставай, ты промокнешь.

– Подожди. – Он взял её руки в свои. – Я не делаю предложение. Я просто хочу сказать. Ты – мой дом. Я кочевал всю жизнь, но с тобой впервые захотел остановиться.

У неё защипало глаза.

– Райли…

– Ничего не говори. Просто знай.

Он поднялся, отряхнул колени и повёл её обратно в дом. А у неё внутри всё пело.

В субботу вечером они ужинали при свечах. Райли пожарил мясо на открытом огне, достал вторую бутылку ви-

на. Глория рассказывала о работе, о сложных пациентах, о том, как трудно иногда сохранять профессиональное спокойствие.

– Ты сильная, – сказал он, разливая вино. – Не то что некоторые.

– В смысле?

– Да так… – Он помрачнел. – Бывшая моя. Тоже работала в медицине, медсестрой. Думал, поймёт, поддержит. А она…

– Что?

– Стервой оказалась. Извини за грубость, но по-другому не скажешь. Пыталась уничтожить меня. Контролировала каждый шаг, проверяла телефон, устраивала сцены. А в итоге сама же и ушла к другому, сказав, что я «псих ненормальный».

Глория слушала и чувствовала, как внутри закипает гнев. Не на него – на ту, незнакомую женщину, которая посмела ранить этого человека.

– Она дура, – твёрдо сказала она. – Ты заслуживаешь лучшего.

– Теперь я это знаю. – Он улыбнулся, но улыбка вышла кривой. – Ты, по крайней мере, не такая. Ты добрая. Настоящая.

Он потянулся за ножом, чтобы разрезать мясо, и Глория заметила, как побелели костяшки его пальцев. Нож вошёл в мясо с глухим стуком. Райли резал слишком сильно, слишком резко, будто мясо было врагом.

– Ты в порядке? – спросила она осторожно.

– А? Да, конечно. – Он расслабил руку. – Задумался просто. Вспомнил, как она меня… неважно. Давай не о ней.

Они не говорили о бывшей весь остаток вечера. Но когда Глория ложилась спать, в голове всплыла картинка: его рука, сжимающая нож. И странный блеск в глазах, когда он говорил «пыталась уничтожить меня».

Она отогнала мысль. Просто воспоминания всколыхнули боль. С кем не бывает.

Через неделю после возвращения с озера Райли предложил вместе выбрать ей новое пальто.

– Твоё старое какое-то… не твоё, – сказал он, когда они проходили мимо торгового центра. – Пойдём посмотрим?

– Моё пальто нормальное. – Глория запахнулась плотнее. – Мне в нём тепло.

– Тепло – не главное. Главное – чтобы оно тебя отражало. А ты – красивая, стильная, современная. А пальто как у пенсионерки.

Она хотела обидеться, но поймала себя на мысли, что он прав. Пальто она купила года три назад, в спешке, потому что старое порвалось. Оно было серым, бесформенным, и правда – старило.

– Ладно, – сдалась она. – Пошли.

В магазине Райли превратился в другого человека. Он ходил между вешалками, критически оглядывал каждую мо-

дель, отбраковывал одну за другой.

– Это слишком ярко, ты затеряешься. Это слишком тёмное, сделает тебя мрачной. Это фасон не твой, ты в нём расплывёшься.

– Откуда ты знаешь, что мой фасон? – спросила Глория, начиная раздражаться.

– Я вижу тебя. – Он подошёл и взял её за плечи, разворачивая к зеркалу. – Смотри. У тебя тонкая талия, длинная шея, изящные запястья. Тебе нужно подчёркивать это, а не прятать. Вот, примерь это.

Он протянул ей тёмно-синее пальто с поясом. Глория послушно надела. В зеркале отразилась женщина, которую она не узнавала: элегантная, стройная, дорогая.

– Видишь? – Райли стоял сзади, положив руки ей на плечи. – Это ты. Настоящая.

Она купила пальто. И сапоги, которые он выбрал. И шарф в тон. Дома, разбирая покупки, Глория поймала себя на странном чувстве: она будто не выбирала, а соглашалась. Но ведь он прав, правда? Он просто помог ей увидеть себя лучше.

Вечером она надела новое пальто и покрутилась перед зеркалом. Красиво. Действительно красиво. Так почему внутри сидел маленький червячок сомнения?

Потому что ты не привыкла к хорошему, сказала она себе. Отвыкла от мужского внимания. Расслабься и получай удовольствие.

Она расслабилась. И получила.

В следующий вторник Глория собиралась встретиться с подругами. Лиза организовала девичник по случаю своего повышения – собирались в новом баре, обещали танцы до утра. Райли знал об этом, он даже обрадовался, когда она сказала.

– Конечно, иди, развейся. – Он поцеловал её в висок. – Только не напивайся сильно, а то я буду волноваться.

Она поцеловала его в ответ и поехала на работу. А в пять вечера, когда она собиралась домой переодеваться, пришло сообщение от Лизы: «Ты где? Мы уже в баре, ждём!»

Глория нахмурилась и набрала подругу.

– Лиза, мы же в восемь договаривались.

– В восемь? – Голос Лизы звучал удивлённо. – Глория, я тебе вчера писала – перенесли на шесть, потому что у Кати няня только до девяти. Ты что, не читала?

– Я… – Она полезла в переписку. Сообщение от Лизы действительно было: «Девчонки, переносим на 18:00!» Отправлено вчера в 14:30. Но Глория его не видела. Как будто… как будто кто-то его удалил, пока она спала.

– Глория? Ты там?

– Да, я… я перепутала. Прости, я сейчас. Часа через полтора доберусь.

– Ну ты даёшь. Ладно, ждём.

Она положила трубку и уставилась в телефон. Сообщение

было. Она точно помнила, что вчера вечером проверяла переписку – и этого сообщения не было. Но вот оно, датировано вчерашним днём.

Райли заглянул в комнату, когда она собирала сумку.

– Ты чего такая взвинченная?

– Да Лиза говорит, что они перенесли встречу. А я сообщение не видела.

– Может, пропустила? – Он пожал плечами. – С кем не бывает. Ты едешь?

– Еду. – Она чмокнула его в щёку. – Не скучай.

– Не буду. – Он улыбнулся. – Развлекайся.

В баре она пыталась расслабиться, но мысль о пропавшем сообщении не отпускала. Она достала телефон, проверила ещё раз – нет, всё на месте. Значит, она просто не заметила. С кем не бывает?

Лиза, когда они остались вдвоём в туалете, спросила:

– Всё хорошо? Ты какая-то замороженная.

– Да нормально. – Глория улыбнулась. – Устала просто.

– Смотри мне. – Лиза внимательно посмотрела на неё. – Тот цветочный мальчик не обижает?

– Нет, что ты. Он замечательный.

– Тогда почему у тебя глаза грустные?

Глория не знала, что ответить. Потому что глаза не были грустными. Правда.

Через два дня они поссорились впервые. Глория задержа-

лась на работе – поступил тяжёлый пациент, пришлось задержаться на три часа. Она отправила Райли сообщение, но он не ответил. А когда она вернулась домой в одиннадцатом часу, он сидел на кухне с каменным лицом.

– Ты где была?

– Я писала. – Она показала телефон. – Пациент сложный, я не могла уйти.

– Ты писала в шесть. Сейчас одиннадцать. – Он не повышал голос, но в тишине кухни он звучал как приговор. – Четыре часа, Глория. Я думал, с тобой что-то случилось.

– Прости, я правда не могла. – Она подошла, чтобы обнять его, но он отстранился.

– Ты могла позвонить.

– Занято было. Я делала срочные анализы.

– Всегда есть минута. Всегда. – Он встал и пошёл в спальню. – Я лягу. Устал волноваться.

Она осталась на кухне одна, сжимая в руках телефон. Чувство вины накрыло с головой. Он прав. Надо было позвонить. Надо было найти минуту. Он волновался, переживал, а она даже не подумала.

Утром она проснулась от запаха кофе. Райли стоял у кровати с подносом: круассаны, свежевыжатый сок, и на отдельной тарелочке – стихи, написанные от руки на красивой бумаге.

– Прости меня, – сказал он тихо. – Я вчера накричал. Не имел права. Ты работаешь, ты спасаешь людей, а я как дурак

ревную тебя к работе.

– Райли…

– Прочитай. – Он кивнул на стихи. – Я всю ночь писал.

Она взяла листок. Стихи были корявые, неумелые, но такие искренние. О том, как он боится её потерять, как она стала для него всем, как он хочет научиться доверять.

– Ты правда это написал?

– Правда. – Он сел на край кровати. – Я дурак, Глория. У меня травма после бывшей, я всё время жду подвоха. Но с тобой по-другому. Ты не такая. Я буду учиться. Обещаю.

Она обняла его, чувствуя, как слёзы текут по щекам. Он такой ранимый, такой открытый. Как можно на него сердиться?

Вечером к двери доставили десять красных роз. Записка гласила: «За каждый час моего дурацкого молчания – цветок. Прости ещё раз».

Глория поставила розы в вазу и почувствовала себя почти счастливой. Почти.

Через месяц их отношений Глория впервые ощутила настоящий холод. Не тот, от которого можно укрыться пледом, а тот, что проникает под кожу и остаётся там.

Они сидели в кафе, и Глория отвечала на сообщение коллеги. Павел Марков, заведующий отделением, просил прислать данные по вчерашнему пациенту. Она быстро набрала ответ и убрала телефон, но Райли уже смотрел на неё стран-

ным взглядом.

– Кто это?

– Коллега. По работе.

– По работе в субботу вечером? – Он улыбнулся, но улыбка не коснулась глаз. – Дашь посмотреть?

– Что посмотреть?

– Переписку. – Он протянул руку. – Просто чтобы я убедился.

Глория отодвинула телефон.

– Ты серьёзно?

– А что такого? – Он пожал плечами. – Если скрывать нечего – покажи.

– Райли, это мой телефон. Моя переписка. Я не обязана тебе ничего показывать.

– Значит, есть что скрывать? – Голос стал тише, но от этого страшнее. – Этот коллега – мужчина?

– Да, мужчина. Он мой заведующий, ему шестьдесят лет, у него трое детей и внуки.

– И что? Возраст не помеха.

Глория почувствовала, как закипает гнев.

– Ты не шутишь? – Она смотрела на него и не узнавала. – Ты действительно думаешь, что я могу с кем-то…

– Я ничего не думаю. Я просто прошу показать переписку. – Он говорил спокойно, но в этом спокойствии чувствовалась сталь. – Если для тебя это проблема, значит, наши отношения для тебя ничего не значат.

– Это шантаж?

– Это доверие, Глория. Я тебе доверяю. Я пустил тебя в свою жизнь, рассказал всё. А ты отворачиваешь телефон, как будто я чужой.

Она смотрела на него и чувствовала, как внутри всё сжимается. Он прав? Она действительно ведёт себя подозрительно? Но ведь это её телефон, её личное пространство…

– Я не буду показывать переписку, – сказала она твёрдо. – Это моя граница.

Райли медленно встал. Положил на стол деньги за кофе. Посмотрел на неё сверху вниз.

– Значит, у тебя есть границы от меня. А я думал, мы – одно целое. – Он развернулся и пошёл к выходу.

Глория сидела за столиком, чувствуя, как дрожат руки. Она хотела побежать за ним, объяснить, но что-то внутри удерживало. Он не прав. Он точно не прав. Так почему она чувствует себя виноватой?

Он не звонил весь вечер. Глория написала сама – сухое «ты как?». Прочитано. Без ответа.

Ночью она не спала. Ворочалась, смотрела в потолок, вспоминала его глаза в кафе. Он был обижен. Сильно обижен. Может, она действительно перегнула? Может, проще было показать эту дурацкую переписку и забыть?

В два часа ночи пришло сообщение.

Фото. Рука, с запястья которой текла кровь. Тонкая крас-

ная линия, разрезающая кожу.

И текст: «Ты заставила меня так почувствовать. Теперь ты довольна?»

Глория закричала. Вскочила с кровати, набрала его номер, но он сбросил. Набрала снова – сбросил. Тогда она оделась, вызвала такси и поехала к нему, молясь, чтобы не было поздно.

Дверь открылась не сразу. Минуты через три он появился на пороге – бледный, с мокрыми волосами, в футболке с длинным рукавом.

– Ты приехала, – сказал он тихо.

– Покажи руку.

– Не надо.

– Покажи, я сказала!

Он медленно закатал рукав. На запястье краснела царапина – неглубокая, уже переставшая кровоточить. Глория выдохнула – врачом она понимала, что это не опасно, но внутри всё тряслось.

– Ты с ума сошёл? – закричала она. – Ты зачем это сделал?

– Ты меня бросила. – Он смотрел на неё глазами побитой собаки. – Ты ушла и не звонила. Я думал, ты не вернёшься.

– Я не бросала тебя! Это ты ушёл из кафе!

– Потому что ты меня оттолкнула.

Глория закрыла лицо руками. Она не понимала, что происходит. Ещё вчера всё было хорошо, а сегодня он стоит перед ней с порезанной рукой и говорит, что она виновата.

– Райли, – сказала она устало, – тебе нужна помощь. Серьёзная помощь.

– Ты моя помощь. – Он шагнул к ней. – Ты единственная, кто меня держит. Без тебя я разваливаюсь. Ты видишь? Ты видишь, что ты для меня значишь?

Она обняла его. Потому что больше ничего не оставалась делать. Потому что он плакал у неё на плече и дрожал. Потому что если она уйдёт сейчас – он сделает это снова. Глубже. По-настоящему.

Она осталась на ночь. Утром она перевязала ему руку, сварила кофе и поехала на работу. По дороге она позвонила Лизе.

– Лиза, я не знаю, что делать.

– Что случилось?

– Он… – Глория замолчала. Как объяснить? Как сказать подруге, что её новый парень порезал руку из-за ссоры о телефоне? – Он очень переживает. Слишком сильно.

– Глория, – голос Лизы стал серьёзным, – это называется манипуляция. Ты понимаешь?

– Он просто больной человек.

– Он манипулятор. Это разные вещи.

– Ты не знаешь его.

– Я знаю тебя. И я вижу, что с тобой происходит. Ты похудела, ты плохо спишь, ты постоянно в стрессе. Это не любовь.

Глория положила трубку. Лиза не понимает. Никто не

понимает. Райли просто раненый человек, которому нужна поддержка. Она даст ему эту поддержку. И всё наладится.

На приёме у психолога Глория сидела, сжимая в руках мокрый платок. Доктор Марков – тот самый, из-за которого началась ссора – слушал её молча, время от времени кивая. Она пришла к нему не как к коллеге, а как к специалисту. Ей нужно было мнение со стороны.

– Я боюсь его гнева, – призналась она. – Знаете, когда он злится, у него меняется лицо. Становится чужим. И я делаю всё, чтобы этого не случилось.

– Что именно вы делаете?

– Соглашаюсь. Не спорю. Показываю телефон, если просит. Говорю, где была и с кем.

– А раньше вы это делали?

– Нет. Раньше я была свободным человеком. – Она усмехнулась. – Дурацкое слово, да? «Свободным». Я думала, что свобода – это когда ты одна. А оказалось, что свобода – это когда ты не боишься.

Марков откинулся в кресле.

– Глория, вы умная женщина. Вы врач. Вы видели много пациентов с разными проблемами. Что бы вы сказали женщине, которая рассказывает вам такую историю?

– Я бы сказала… – Она замолчала. – Я бы сказала, что она в токсичных отношениях.

– Так скажите это себе.

– Но он не бьёт меня! – вырвалось у неё. – Он не поднимает руку, он не оскорбляет, он просто… он просто очень любит. Слишком сильно.

– Любовь не требует показывать телефон. Любовь не угрожает самоубийством при ссоре. Любовь не заставляет бояться.

– Я знаю. – Она закрыла лицо руками. – Я всё это знаю. Я сама учу пациентов распознавать абьюз. Но когда это касается меня…

– Вы внутри системы. Со стороны всегда виднее.

– Что мне делать?

– Для начала – признать, что это не любовь. Это токсичная динамика. И дальше – решать, готовы ли вы в этом оставаться.

Глория вышла из кабинета раздавленной. Она знала, что Марков прав. Она видела таких пациентов – женщин с потухшими глазами, которые оправдывали мужей, находили причины, винили себя. Она никогда не думала, что окажется на их месте.

Вечером она не поехала к Райли. Написала сообщение: «Мне нужно побыть одной. Подумать».

Он ответил через минуту: «Если ты уйдёшь – я исчезну. Ты понимаешь это? Я без тебя не могу».

Она выключила телефон и проплакала всю ночь.

На следующий день она зашла к Маркову в кабинет уже

как коллега. Принесла кофе, села напротив.

– Я не спала всю ночь. Думала.

– О чём?

– О том, почему я это терплю. – Она помешала кофе. – У меня же было всё: работа, друзья, квартира. Я была счастлива. Ну, не то чтобы счастлива, но спокойна. А теперь я трясусь над телефоном и боюсь сказать лишнее слово.

– И почему?

– Потому что он сделал меня центром своей жизни. – Она подняла глаза на Маркова. – Понимаете? Я ему нужна как воздух. И если я уйду – он действительно может что-то с собой сделать. Я не смогу жить с этим грузом.

– Это не ваш груз. Это его выбор.

– Логически я понимаю. А эмоционально – нет.

Марков помолчал, потом сказал:

– Знаете, что самое страшное в абьюзерах? Они не приходят с табличкой «я буду тебя разрушать». Они приходят с цветами и стихами. Они говорят то, что вы хотите услышать. Они становятся вашим наркотиком. А потом, когда вы уже зависимы, начинают дозировать счастье.

– Вы думаете, он это делает специально?

– Не обязательно специально. Часто они сами не понимают, что творят. У них тоже травма, тоже боль. Но это не меняет результата. Результат – вы боитесь, вы худеете, вы теряете себя.

Глория допила кофе и встала.

– Спасибо, Павел. Я подумаю.

– Глория. – Он остановил её у двери. – Помните: спасать утопающих – работа спасателей. А вы – врач. Ваша работа – лечить. Себя в том числе.

Она кивнула и вышла.

В воскресенье она написала Райли длинное сообщение. Потом стёрла. Написала короткое. Тоже стерла. В итоге отправила просто: «Нам нужно поговорить».

Он приехал через час с букетом её любимых орхидей.

– Я знал, что ты позовёшь, – сказал он с порога. – Я так скучал.

– Райли, сядь. Пожалуйста.

Он сел, но не на диван, а на пол у её ног. Положил голову ей на колени.

– Я слушаю.

– Я хочу сделать паузу.

Он замер. Потом поднял голову. В глазах было непонимание, как у ребёнка, которому сказали, что Деда Мороза не существует.

– Паузу? Зачем?

– Мне нужно подумать. Разобраться в себе.

– Ты уходишь от меня? – Голос дрогнул.

– Нет. Я прошу время.

Он молчал долго. Так долго, что Глория начала волноваться. Потом встал, подошёл к окну.

– Ты встретила кого-то?

– Нет!

– Тогда почему? Я плохой? Я обидел тебя? Скажи, я исправлюсь.

– Райли, дело не в тебе. Дело во мне. Я запуталась.

Он резко обернулся. Глаза были сухими, но странно блестели.

– Если ты уйдёшь – я исчезну. Ты понимаешь это? Без тебя мне незачем жить.

– Не говори так.

– Это правда. – Он подошёл ближе. – Ты – единственное хорошее, что было в моей жизни. Ты – мой свет. Если ты погаснешь, останется только тьма.

Глория смотрела на него и чувствовала, как решение тает. Как слова, которые она готовила, рассыпаются. Как внутри поднимается знакомая волна вины.

– Я не ухожу, – услышала она свой голос. – Я просто хочу…

– Не надо паузы. – Он взял её руки. – Давай просто будем. Как раньше. Я буду лучше. Обещаю. Я пойду к психологу. Я всё сделаю. Только не оставляй меня.

Она обняла его. Потому что не могла иначе.

А ночью, когда он уснул, она лежала с открытыми глазами и смотрела в потолок. Внутри было пусто. И страшно. И непонятно – почему она не смогла сказать «нет»?

Он исчез через три дня. Просто перестал отвечать на сообщения. Телефон был выключен. На работе сказали, что уволился неделю назад. В квартире, которую он снимал, никто не открывал дверь.

Глория сходила с ума. Она звонила каждый час, писала десятки сообщений, ездила к его дому и сидела в машине, глядя на тёмные окна. В голове крутились страшные картинки: он где-то лежит с порезанными венами, он прыгнул с моста, он…

На третий день она поехала в полицию.

– Заявление о пропаже? – уточнил дежурный. – Сколько дней не выходит на связь?

– Три.

– Трое суток взрослый человек не отвечает? Может, просто уехал?

– Он говорил о самоубийстве. – У неё дрожал голос. – Он угрожал, что исчезнет.

Дежурный вздохнул, но заявление принял. Сказал, что проверят больницы, морги. Сказал, что позвонят.

Она вернулась домой и сидела в темноте, обхватив колени руками. Орхидеи, которые он принёс в прошлый раз, завяли. Она даже воду не поменяла.

Он появился на пятый день. Ночью, в двенадцатом часу. Глория уже не спала, просто лежала, глядя в стену, когда в дверь позвонили.

На пороге стоял Райли. С огромным синяком под глазом, с рассечённой губой, в грязной куртке.

– Прости, – сказал он и улыбнулся разбитым ртом.

Она зарыдала. Вцепилась в него, прижала к себе, затащила в квартиру.

– Где ты был?! Что случилось?! Я с ума сошла!

– Тише, тише. – Он гладил её по голове. – Я здесь. Я вернулся.

В квартире, при свете, его лицо выглядело ещё страшнее. Синяк расползался на полщеки, губа распухла, на скуле запёкшаяся кровь.

– Кто это сделал? – Она уже несла аптечку. – Кто тебя?

– Споткнулся в темноте. – Он поморщился, когда она прикоснулась к ссадине. – Упал.

– Райли, это не от падения. Это удар.

– Я же сказал – упал. – Голос стал твёрже. – Давай не будем.

Она замолчала. Обработала раны, приложила холод. Он сидел на диване, закрыв глаза, и молчал.

– Ты где был пять дней?

– Ездил к матери. – Он не открывал глаза. – Она в другом городе живёт. Захотел проведать.

– Почему не сказал?

– Боялся, что не пустишь.

– Глупый. – Она обняла его, прижалась к груди. – Я так испугалась. Думала, ты…

– Я знаю. Прости. Больше не буду.

Она впустила его. Уложила спать. А утром, когда он ещё спал, рассматривала его лицо и думала: откуда синяк? Почему он врёт?

Но он вернулся. Он жив. Остальное неважно.

Он пролежал три дня. Сказал, что у него сотрясение, что кружится голова. Глория брала отгулы на работе, сидела с ним, варила бульоны, меняла компрессы. Он был тихий, покладистый, почти ребёнок.

На четвёртый день он сел на кровати и сказал:

– Я должен тебе кое-что сказать.

– Что?

– Я был у матери. Но не только. Я… – Он замолчал, подбирая слова. – Я пил эти дни. Сорвался. А когда пьяный – лезу в драки. Поэтому лицо.

Глория молчала.

– Я не хотел тебе говорить. Стыдно. – Он сжал её руку. – Но ты должна знать. Я не идеальный. Я срываюсь иногда. Но я пойду лечиться. Обещаю.

– Лечиться от чего?

– От зависимости. От… от всего. Я нашёл клинику. Хорошую. За городом. Хочу лечь на месяц.

– На месяц?

– Если не сейчас – никогда. – Он посмотрел на неё с такой мольбой, что сердце сжалось. – Ты подождёшь меня?

– Райли…

– Я знаю, что прошу многого. Но ты – единственная причина, по которой я хочу стать лучше. Не для себя – для тебя.

Она обняла его. Снова. И снова поверила.

Райли уехал в клинику через неделю. Глория провожала его на вокзале, стояла на перроне, пока поезд не скрылся из виду. Он обещал писать каждый день. Звонить по вечерам. Лечиться и становиться лучше.

Первые дни было странно. Тишина в квартире, пустота в постели, отсутствие сообщений каждые полчаса. Она ловила себя на том, что тянется к телефону, чтобы написать ему, и вспоминает: нельзя, он на терапии, у него забирают телефоны.

Через две недели пришло письмо. Обычное, бумажное, в конверте. Райли писал, что ему тяжело, что он срывается, но вспоминает её лицо и держится. Что терапевт сказал ему: «Вы зависимы не от веществ, вы зависимы от отношений». Что он работает над этим.

Глория плакала над письмом. Он старается. Ради неё.

Когда он вернулся через месяц – загоревший, похудевший, с короткой стрижкой – она бросилась ему на шею.

– Я так скучала.

– Я тоже. – Он поцеловал её. – Я так много понял. Прости меня за всё.

– Ты изменился?

– Я учусь.

Он устроился в другую цветочную лавку, подальше от центра. Сказал, что хочет начать всё сначала. Они снова встречались, снова гуляли, снова разговаривали ночами. Он стал мягче, спокойнее, перестал проверять её телефон и требовать отчётов.

Глория поверила. Наконец-то всё наладилось.

Она поймала себя на странной мысли через месяц после его возвращения. Мысль пришла ночью, когда он спал рядом, и она лежала, глядя в потолок.

«Может, это я виновата?»

Она прокручивала в голове их ссоры, его срывы, её попытки отстраниться. Что, если она действительно провоцировала его? Что, если он прав – она слишком много работала, мало уделяла внимания, прятала телефон?

Что, если он срывался, потому что она не давала ему нужной поддержки?

Утром она спросила его:

– Райли, тебе со мной трудно?

– С чего ты взяла?

– Ну… я много работаю. Устаю. Иногда бываю резкой.

– Ты – лучшее, что было в моей жизни. – Он сказал это просто, без пафоса. – Я без тебя не справляюсь.

– А если я что-то делаю не так?

– Глория, ты идеальна. Это я больной. – Он улыбнулся. –

Но я лечусь. Ради тебя.

Она обняла его. Но мысль осталась. Засела глубоко, как заноза.

Может, она правда виновата? Может, если бы она была лучше, добрее, внимательнее – он бы не пил, не резал руки, не исчезал?

В следующий раз, когда он попросил показать телефон, она показала. Просто чтобы не расстраивать. Когда сказал, что её платье слишком короткое – переоделась. Когда предложил не ехать к маме на день рождения – согласилась.

Так проще. Так спокойнее. Так он не срывается.

Она не заметила, как перестала быть собой.

– Твоя мать меня не любит, – сказал Райли однажды вечером. Они лежали на диване, смотрели фильм, и фраза упала как снег на голову.

– С чего ты взял?

– Я вижу. Как она смотрит. Как говорит. – Он переплёл свои пальцы с её. – Она считает, что я тебя недостоин.

– Мама просто переживает. Она всегда переживает.

– Она нагнетает напряжение. Ты замечала? После встреч с ней ты становишься другой. Холодной. Отстранённой.

Глория хотела возразить, но прикусила язык. Действительно, после визитов к матери она часто чувствовала себя вымотанной. Мама всегда задавала вопросы: как у вас, что он делает, почему вы не женитесь?

– Может, тебе стоит реже с ней видеться? – Райли говорил мягко, почти ласково. – Для твоего же спокойствия. Я вижу, как ты переживаешь после этих встреч.

– Это моя мама.

– Я знаю. – Он поцеловал её в висок. – Я не запрещаю. Я просто предлагаю подумать о твоём комфорте.

В следующие выходные, когда мать позвала на ужин, Глория сказала, что занята. Потом ещё раз. И ещё.

Мать звонила, спрашивала, всё ли хорошо. Глория отвечала, что да, просто много работы. Но внутри росла глухая тоска.

Однажды она встретила мать в магазине случайно. Та посмотрела на неё долгим взглядом и сказала:

– Ты похудела. Глаза потухшие. Что он с тобой делает?

– Мама, всё хорошо.

– Не ври мне. Я твоя мать. Я чувствую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.